

каждая из этих дисциплин утверждает свою автономию, а с другой взаимодействие между ними становится все более тесным. Опираясь на данные контрастивной лингвистики, теория перевода прослеживает влияние соотношения языков (на уровне структурного типа, системы и нормы) на процесс перевода. В свою очередь, перевод оказывает неоценимую услугу контрастивной лингвистике, будучи единственным источником, из которого извлекается *tertium comparationis* — основа формальных соответствий [там же, 216]. Более того, широкое привлечение данных теории перевода открывает новые перспективы перед контрастивным анализом. Так, например, по мнению К.Хансена, если в будущем контрастивная лингвистика будет ориентироваться не только на абстрактный уровень языковой системы, но и на конкретный уровень языкового узуса, ей придется дополнить используемое ею понятие функциональной эквивалентности (т.е. эквивалентности на уровне системы) выработанным в теории перевода понятием коммуникативной эквивалентности (т.е. эквивалентности на уровне текстов с учетом их коммуникативного эффекта) [Hansen, 1985, 127].

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА И СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Социальная сущность перевода за последнее время все больше привлекает к себе внимание исследователей. Так, один из ведущих теоретиков перевода ГДР, О.Каде, рассматривал перевод как важнейший вид языкового посредничества (*Sprachmittlung*), т.е. межъязыковой коммуникации, представляющей собой (как и коммуникация вообще) общественное явление — языковую деятельность людей, ограниченную общественными условиями и служащую общественным целям [Kade, 1977]. В советском языкознании идеи О.Каде получили развитие в работах Л.К.Латышева, рассматривающего общественное предназначение перевода как его постоянный классифицирующий признак, присутствующий во всех его реализациях [Латышев, 1983, 8].

Социальные аспекты перевода в той или иной форме получали освещение в работах по теории перевода. Однако в них они чаще всего рассматривались несистемно, без привлечения понятийного аппарата, разработанного современной социолингвистической теорией. Между тем есть основания утверждать, что, будучи социально детерминированным явлением, перевод обладает рядом существенных признаков, входящих в сферу компетенции социолингвистики.

Среди социолингвистических проблем, имеющих прямое отношение к переводу, следует в первую очередь выделить такие, как "язык и социальная структура", "язык и культура", "язык и социология личности". В соответствии с этим важно рассмотреть следующие три стороны перевода: а) перевод как отражение социального мира; б) перевод как социально детерминированный коммуникативный процесс; в) социальную норму перевода.

Отражение социального мира в процессе межъязыковой коммуникации является одним из существенных социолингвистических аспектов перевода. Эта проблема характеризуется двумя основными аспектами: первый непосредственно связан с передачей в переводном тексте социальных реалий исходной социокультурной системы, а второй — с опосре-

дованным отражением социальной дифференциации общества через социально обусловленную дифференциацию языка.

Проблема перевода социальных реалий связана с поиском их функциональных аналогов в другой культуре. Порой вся сложность этой проблемы проистекает из разного членения социальной действительности. Рассмотрим в качестве примера трактовку понятия "middle class" в "Большом англо-русском словаре": "люди среднего достатка, средние слои общества (средняя и мелкая буржуазия, интеллигенция, служащие, высокооплачиваемые рабочие)". Таким образом, проецируя эту категорию на другую понятийную систему, мы получаем целый ряд, соотнесенный с разными категориями другой социокультурной системы. В то же время в контексте словосочетания этот термин порой конкретизируется и приобретает однозначные соответствия в русской общественно-политической терминологии: upper middle class — "крупная буржуазия"; middle class prejudices — "буржуазные предрассудки".

Еще сложнее обстоит дело с передачей реалий в тех случаях, когда речь идет о культурах, разделенных значительной дистанцией. Так, по свидетельству Ю.Найды, для английского словосочетания common people 'простые люди' на языке майя удалось найти лишь более или менее адекватное описательное соответствие — 'люди, живущие на окраине поселка', поскольку в культуре индейских племен Юкатана удаленность жилья от центра поселка является показателем социально-экономического статуса [Nida, 1964, 93].

Что касается социально обусловленной вариативности языка, то она находит свое проявление, в частности, в речи персонажей, а также и в авторской речи в художественном тексте. По мнению А.Нойберта, "решающее значение для теории перевода имеют результаты сопоставления двух систем вариативности" — исходного языка и языка перевода [Neubert, 1977]. Сопоставляя эти системы, мы исходим из того, что социальная вариативность в языке и речи характеризуется наличием двух измерений — стратификационного и ситуативного. Стратификационная вариативность самым непосредственным образом связана с социальной структурой общества и находит свое выражение в тех языковых и речевых различиях, которые обнаруживаются у представителей разных социальных слоев и групп. В то же время ситуативная вариативность проявляется в преимущественном употреблении социально маркированных языковых средств — отдельных единиц или целых систем и подсистем — в зависимости от социальной ситуации [Швейцер, 1976, 78—79].

В комедиях Аристофана дорийский диалект служит в качестве стратификационного маркера, характеризующего провинциала, не владеющего образцовой аттической речью. В некоторых переводах комедии "Лисистрата" на английский язык в качестве аналога дорийского диалекта используются местные диалекты английского языка со сходной оценочной коннотацией. Так, например, в одном из английских изданий комедии спартанский гонец, который в оригинале говорит на дорийском диалекте, изъясняется на шотландском диалекте (Scots): Herald. Whaur sall a body fin' the Athanian Senate / Or the gran lairds? Na gotten news to tell. В американском издании аналогичную функцию

выполняет южный диалект американского варианта английского языка: Herald. This Athens? Where-all kin I find the Council of Eiders or else the Executive Board? I brung some news. Наконец, в опубликованном в Нигерии переводе комедии в тех же целях применяется пользующийся низким социальным престижем нигерийский пиджин: Messenger. Wusa ah go find una chiefs or wetin una de call dem leaders? Ah bring important news for dem [Bailey, Robinson, 1973, 110—114]. Такого рода прием, т.е. передача диалектной речи с помощью диалектов языка перевода, явно противоречит принятой в нашей стране переводческой норме, не допускающей полной русификации подлинника и лишения его национального колорита. Именно поэтому русский переводчик комедии А.Пиотровский использовал для речевой характеристики этого персонажа отдельные элементы сниженной разговорной речи: "Привязался же, болтун!", "Что за вздор еще?", "От Лампито пошла зараза" и др.

Компенсационные приемы перевода используются и при передаче ситуативной вариативности языка, одним из проявлений которой является варьирование ситуативных маркеров речи под влиянием меняющихся ролевых отношений между коммуникантами. В русском языке одним из маркеров ролевых отношений служат личные местоимения *ты* /*вы* при обращении к собеседнику. Эти маркеры неоднозначны. Как отмечает П.Фридрих, их варьирование отражает такие параметры, как социальный контекст, относительный возраст, генеалогическая дистанция, принадлежность к группе и др. [Friedrich, 1972, 276—281]. При переводе на английский язык, где отсутствует аналогичная оппозиция личных местоимений, требуется каждый раз подыскивать ситуативный эквивалент, передающий те же параметры ситуации. Рассмотрим следующий пример из перевода на английский язык романа Достоевского "Идиот": — Евгений Павлович, это ты?.. Ну как же я рада, что наконец разыскала... — "Is that you, Eugene, darling? I'm so glad to have found you at last..." В этом примере Настасья Филипповна при всех обращается к Евгению Павловичу на "ты", подчеркнуто афишируя близкие отношения с ним. Здесь переводчик использует в качестве аналога интимное обращение *darling*.

Думается, что к переводу как коммуникативному акту вполне приложима разработанная английским лингвистом М.А.К. Хэллидеем социально-семиотическая модель текста и детерминирующей его ситуации [Halliday, 1979, 139—145]. Согласно Хэллидею, семиотическая структура ситуации образуется на основе взаимодействия элементов триады — "поля" (*field*), или типа социального действия, "тональности" (*tenor*), или типа ролевых отношений, и "модуса" (*mode*), или типа символической организации. Поле включает комплекс социальных действий определенной конфигурации, в рамках которых существенную роль играет и текст. Структура ролевых отношений, т.е. отношений между участниками социальной деятельности, в том числе и речевой, лежит в основе тональности текста (подробнее см. в гл. V). Модус — это способ речевой организации, определяемый символическими формами взаимодействия, письменными и устными, а также их жанровыми разновидностями.

В качестве примера поля приведем область массовой коммуникации.

Здесь возникает проблема передачи в переводе некоторых существенных особенностей массовой коммуникации, находящих свое отражение в языке. Отмечалось, что для языка американских средств массовой коммуникации характерна высокая степень стандартизации. Так, в пособии по практической стилистике для газет и информационных агентств указывается, что на страницах американских газет постоянно мелькают такие выражения, как *the Senate today heads into ...* 'сегодня сенат приступает к ...'; *bitterly contested bill* 'законопроект, вокруг которого развернулась ожесточенная борьба'; *violence flared* 'вспыхнули беспорядки' и др. [Heyn, Brier, 1969, 36—37].

Порождение сообщения в условиях массовой коммуникации отличается оперативностью, "сиюминутностью", что находит свое отражение прежде всего в насыщенности текста неологизмами. Среди них видное место занимают те, которые отражают события политической жизни, привлекающие внимание читателей. Ср., например, такие неологизмы, связанные с нашумевшим уотергейтским делом, как *the plumbers* 'сантехники' — прозвище секретной следственной группы, созданной Никсоном для предупреждения утечки секретной информации, *stonewalling* 'обструкция следствия путем отказа давать показания, дезинформации, туманных заявлений' и т.п. [Швейцер, 1983, 107—132].

В переводе находит отражение и тональность текста, определяемая ролевыми отношениями между участниками коммуникативного акта (отправителями и получателями). Есть достаточные основания предположить, что газеты, журналы и другие средства массовой коммуникации моделируют речевое поведение человека, выбирающего те или иные языковые ресурсы в зависимости от социальной ситуации и в первую очередь от ролевых отношений. Показательно сравнение языка двух американских военных журналов — *"Military Review"*, издаваемого командно-штабным колледжем и предназначенного в основном для старших офицеров, и *"Soldiers"*, популярного иллюстрированного журнала, адресованного широкой читательской аудитории — личному составу армии, национальной гвардии, вольнонаемным и др. Установка на разную аудиторию определяет и стилевые расхождения между этими журналами. Ср. следующие примеры: *The perimeter, with armored vehicles used, should be organized in depth avoiding linear or regular circle configurations* ("*Military Review*") 'Круговая оборона с применением бронированных машин должна быть эшелонирована в глубину без прямых линий или правильных окружностей'; *Happiness is many things. To the soldier, it's a hot meal when you are hungry, a letter from home when you're lonely, a soft bunk when you're tired* 'Счастье — это все, что угодно. Для солдата это — горячий обед, когда ты голоден, письмо от родных, когда тебе грустно, мягкая койка, когда ты устал'.

В первом случае перед нами фрагменты типичного "уставного" текста с характерной для него специальной терминологией (*perimeter, armored vehicles, organized in depth... круговая оборона, 'бронированные машины', 'эшелонированный в глубину'*). Во втором — рефлексом неформальных ролевых отношений является разговорная тональность (ср. разговорные стяжения *it's, you're* в английском тексте, использование *ты* в русском переводе) [Швейцер, 1973, 209—212].

В связи со сказанным встает вопрос о социальной норме перевода. Как и любая социальная норма, норма перевода является механизмом, через посредство которого общество детерминирует поведение личности [Кречмар, 1970]. Социальная норма перевода представляет собой совокупность наиболее общих правил, определяющих выбор стратегии перевода. Эти правила в конечном счете отражают те требования, которые общество предъявляет к переводчику. Не будучи чем-то раз и навсегда заданным, они варьируются от культуры к культуре, от эпохи к эпохе и от одного типа (жанра) текста к другому.

Национальную вариативность переводческой нормы (в области художественного перевода) отмечает И.Левый. Так, например, переводческую эстетику французов характеризует сомнение в творческой самостоятельности перевода. Отсюда установка переводить стихи прозой. Гораздо ригористичнее отношение к переводу в средневропейских литературах (у чехов, словаков, венгров): здесь считается отступлением от нормы не только перевод стиха прозой, но и передача александрийского стиха белым, пропуск каламбура или исторического намека и другие облегчения переводческого труда, привычные для англичан или немцев [Левый, 1974, 47].

Противоречивые требования к переводу ("парадоксы перевода") были, в частности, отмечены Т.Сейвори в книге "Искусство перевода":

1. Перевод должен передавать слова оригинала.
2. Перевод должен передавать мысли оригинала.
3. Перевод должен читаться как оригинал.
4. Перевод должен читаться как перевод.
5. Перевод должен отражать стиль оригинала.
6. Перевод должен отражать стиль переводчика.
7. Перевод должен читаться как современный переводчику.
8. Перевод должен читаться как современный оригиналу.
9. Перевод вправе прибавить нечто к оригиналу или убавить от него.
10. Перевод не вправе ничего ни прибавить, ни убавить.
11. Стихи следует переводить прозой.
12. Стихи следует переводить стихами.

Историческая вариативность переводческой нормы может быть проиллюстрирована переводами Библии в различные исторические периоды. Так, средневековые переводы в целом подчиняются первому из перечисленных выше требований ("переводить слова подлинника" — девиз буквального перевода). Буквализм ранних переводов Библии проистекал, как отмечает А.В.Федоров, не столько из осознанного теоретического принципа, сколько из пиетета, из "трепета" перед библейскими текстами [Федоров, 1983, 25]. Впоследствии эта норма была расшатана и вместо нее было выдвинуто требование "переводить не слова, а мысли" (см. второе требование из перечня Сейвори). Об этом, в частности, свидетельствуют два перевода одного и того же отрывка из "Послания римлянам", приводимые Ю.Найдой [К1аа, 1875,256—257]: 1. Through whom we have received grace and apostleship unto the obedience of faith among all nations for his name's sake. 2. Through him God gave us the priviledge of being an apostle for the sake of Christ, in order to lead people of all nations to believe and obey.

Рассмотрим еще один "парадокс перевода" — требование транспонировать текст в культуру получателя и одновременно сохранять "инокультурный" колорит. В прошлом последнее требование было не столь жестким, о чем свидетельствуют, в частности, некоторые русские переводы XIX в., в которых текст оригинала подвергался полной русификации. Ср., например, приписываемый О.И. Сенковскому перевод цитированной выше баллады Бернса "Джон Ячменное Зерно":

Были три царя на Востоке,
Три царя сильных и великих,
Поклялись они, бусурманы,
Известь Ивана Ерофеича Хлебное зернышко.
И вырыли они глубокую борозду, да и бросили его в нее,
И навалили земли на его головушку,
И клялись они, бусурманы,
Что извели Ивана Ерофеича Хлебное зернышко.

Переданное ритмизованной прозой в духе русской народной былины и включающее элементы русского просторечия (*бусурманы, известь*), это произведение явно не соответствует современной норме перевода и может расцениваться как стилизованное переложение.

Некоторые нормы перевода еще находятся в процессе формирования. Об этом, в частности, свидетельствуют дискуссии под рубрикой "Арифметика и алгебра перевода" в "Литературной газете", а также полемические материалы, печатаемые на страницах ряда литературных журналов.

Перевод и лежащая в его основе стратегия оказываются зависимыми от нормативных установок, задаваемых культурой. Однако существует и другой аспект этой проблемы, фокусирующий наше внимание на активной роли перевода, оказывающего существенное воздействие на формирование языковой нормы.

На роль переводов в создании литературного письменного языка указывает В.Н.Ярцева, считающая, что "для понимания истории формирования и развития литературного языка приходится касаться как проблемы иноязычных влияний, так и вопросов переводческой активности писателей данной страны" [Ярцева, 1985, 142]. В истории литературного английского языка активная роль переводов нашла свое проявление, в частности, в том, что приток латинизмов в письменную речь заметно «увеличивался в периоды интенсивной переводческой деятельности (перевод на древнеанглийский „Вульгаты“, переводческая деятельность короля Альфреда) и особенно возрос к эпохе Возрождения» в связи с интересом к классическим языкам и развитием новых жанров в литературе [там же, 142]. Перевод явился каналом воздействия латинского языка на английский, которое проявлялось как в многочисленных лексических заимствованиях и синтаксических кальках, так и в функционально-стилистической дифференциации языка. Роли перевода как проводника иноязычного влияния в известной мере способствовали буквалистские установки, которые господствовали в то время в переводе.

Роль перевода как активного инструмента взаимодействия языков и культур сохраняется и в современном обществе. Проникая в повседневную речь через средства массовой коммуникации, некоторые "переводизмы", на первых порах воспринимавшиеся как отклонения от нормы

(ср., например, такие кальки, как *утечка мозгов* от англ. *brain-drain*, *военное присутствие* от англ. *military presence* и др.), постепенно приобретают права и утверждаются в языке.

Проблема взаимодействия теории перевода и социолингвистики еще ждет своего решения. В данном разделе были указаны лишь некоторые области тесного соприкосновения этих дисциплин. Думается, что использование понятийного аппарата и инструментария современной социолингвистики даст возможность глубже проникнуть в механизм перевода, выявить его социальную природу и социальные детерминанты, точнее охарактеризовать всю сложность и противоречивость стоящих перед ним задач и стратегию переводческого решения.

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА И ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Выявление психологической основы перевода является необходимой предпосылкой для познания его сущности. В этом отношении прав С.Н. Сыроваткин, считающий, что в самой своей сокровенной части перевод — это психологический процесс. Психологическую природу имеют три его стадии (понимание исходного текста, "отмысливание" от форм исходного языка и выбор форм языка перевода) [Сыроваткин, 1978, 18]. Это обстоятельство побуждает теоретиков перевода обращаться к данным психолингвистики.

Поскольку объектом психолингвистики является речевая деятельность, а объектом теории перевода — особый вид речевой деятельности — перевод, задачи этих дисциплин во многом перекрещиваются. К теории перевода вполне приложимы данные психолингвистики о механизмах порождения и восприятия речевого высказывания, о структуре речевого действия и о моделях языковой способности. К сожалению, перевод еще не подвергался глобальному описанию с психолингвистических позиций, а предпринимавшиеся до сих пор попытки психолингвистического анализа перевода носили в основном фрагментарный характер.

Вместе с тем определенный интерес для теории перевода представляют разработанные советскими и зарубежными психолингвистами положения о трехчленной структуре речевого действия, включающего фазу планирования (программирования), фазу осуществления и фазу сопоставления, о необходимости учета его цели и мотивации, об эвристическом принципе порождения речи, о лежащем в его основе вероятностном прогнозировании, об активном характере процесса восприятия речи [Леонтьев, 1969, 263—265].

Остановимся подробнее на эвристическом принципе, согласно которому в зависимости от конкретной экспериментальной ситуации субъект может избрать тот путь психолингвистического порождения высказывания, который в данных обстоятельствах представляется оптимальным. Думается, что этот методологический принцип вполне применим к моделированию порождения речевого высказывания в процессе перевода. Анализ переводов свидетельствует о том, что, как и любая речевая деятельность, перевод не осуществляется по единой модели. В процессе перевода находят применение и грамматические трансформации, и лек-